О

КАЛМЫКАХЪ,

КОЧУЮЩИХЪ

ПО АСТРАХАНСКОЙ СТЕПИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи Х. Гинце.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 27 Октября 1841.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

Кочующіе по Астраханской степи Калмыки, въ весеннее время имѣютъ обыкновеніе отъ заливовъ рѣки Волги и Каспійскаго моря, возлѣ коихъ въ зимнее густая трава служитъ пищею для ихъ рогатаго скота, овецъ и конскихъ табуновъ, перекочевывать къ Донскимъ владѣніямъ. Оставшійся на 3-и дня улусъ, въ 7-ми верстахъ отъ бѣлозерской почтовой станціи, долженъ былъ послужить мнѣ на первый разъ убѣжищемъ и средствомъ сблизиться съ народомъ, занимательнымъ по своимъ привычкамъ, склонностямъ, вѣроисповѣданію, языку и образу жизни. Я поспѣшилъ къ нему на своемъ конѣ, въ надеждѣ сыскать хорошаго переводчика, которой объяснялъ бы мнѣ неизвѣстные предметы и прогонялъ ими скуку, обременявшую путешественника въ дикихъ, песчаныхъ и безплодныхъ степяхъ, гдѣ натура, какъ бы омертвѣла и лишила обитателей ея тѣхъ прелестныхъ видовъ и привлекательнаго расположенія къ оплодотворенньмъ предметамъ, какими наслаждаются взоры Швейцарца, живущаго при подошвѣ Альпъ.

При подъѣздѣ къ улусу, игравшій возлѣ кибитки Калмыченокъ проводилъ меня въ нее отъ собакъ. Вмѣсто семейства Калмыцкаго, увидѣлъ

я въ ней веселаго, разговорчиваго и любезнаго въ *свѣтскомъ* общежитіи Пристава. Привѣтливость его и вѣжливость плѣнили меня. Разсказавъ настоящую причину моего путешествія, я по приглашенію его отправился съ нимъ въ улусы, которые обязанъ онъ былъ по должности своей ревизовать. Майскіе утренники, при благопріятной погодѣ споспѣшествовали намъ въ нѣсколько сутокъ проѣхать до 400 верстъ. Мы заѣзжали къ Владѣльцамъ, посѣщали Улусныхъ судей, Гелюнговъ и вездѣ были приняты съ отличною благосклонностію. Я не упустилъ изъ виду, по имѣвшейся у меня картѣ свѣрить пространство мѣста, занимаемаго кочевыми жителями.

Астраханская степь съ восточной стороны прилежитъ къ правой сторонѣ рѣки Волги, начиная отъ заливовъ Каспійскаго моря, напротивъ бѣлозерской почтовой станціи существующихъ, и ограничивается къ сѣверу, Саратовской Губерніи, Царицынскаго уѣзда, владѣніями сарептской колоніи; западная сторена граничитъ съ землею Донскихъ козаковъ, а южная съ степью кизлярскаго уѣзда по рѣку Куму, за которою кочуютъ Нагайцы.

Песчаная и безплодная почва земли не имѣетъ ни лѣсовъ, ни кустарниковъ, кромѣ зеленой травы, полыннику и густаго камыша, растущаго по заливамъ рѣки Волги и Каспійскаго моря. Вся степь занимаемая Калмыками имѣетъ въ длину

до 700 а въ ширину до 600 верстъ. На этомъ пространствѣ, съ одного мѣста на другое перекочевываютъ до 30-ти тысячь кибитокъ, въ которыхъ за исключеніемъ женскаго пола считаютъ около ста тысячь душъ, раздѣленныхъ на двѣ Орды· Первая изъ нихъ называется Дербетовскою, а послѣдняя Тюменевскою. Обѣ онѣ составляютъ 9-ть улусовъ, которые подраздѣляются на Аймаки, а сіи на хотоны.

Управленіе Калмыцкаго народа, со времени подданства его Россіи, ввѣряется всегда, съ Высочайшаго разрѣшенія Азіятскимъ департаментомъ главному Приставу. Онъ обязанъ пещись о благосостояніи ввѣренной ему націи, поддерживать права ея, относительно дарованныхъ преимуществъ и обезопасить личность каждаго отъ обидъ и притязаній; нарушителей законнаго права, судя по роду преступленія подвергать штрафу, наказанію или уголовному суду, а обиженныхъ удовлетворять сообразно справедливымъ ихъ требованіямъ. На этомъ основаніи казенные Улусы состоятъ подъ завѣдываніемъ частныхъ приставовъ, которые въ сомнительныхъ дѣлахъ, испрашиваютъ разрѣшенія Главнаго Пристава и на предписаніяхъ его ведутъ порядокъ дѣлъ слѣдственныхъ и исполнительныхъ, вмѣстѣ съ улусными судьями.

Многими улусами завѣдываютъ Ноіоны или владѣльцы, а аймаками Зайсанги. Они по родословію своему представляютъ видъ нашихъ дворянъ

съ наслѣдственными правами и преимуществами; но права ихъ въ отношеніи своихъ подданныхъ имѣютъ различіе. Первые Ноіоны, по усмотрѣнію своему вольны налагать на своихъ подвластныхъ различныя подати, (*) употреблять ихъ въ работу и давать отпуски на заработки въ другихъ мѣстахъ, а послѣдніе Зайсанги, могутъ только пользоваться отъ своихъ аймаковъ очередною прислугою и денежными доходами; но это предоставленіе обязываетъ ихъ смотрѣть за соблюденіемъ порядка по аймакамъ, исполнять вточности всѣ приказанія владѣльцевъ и давать отчетъ имъ въ возлагаемыхъ на нихъ порученіяхъ. Простой народъ благоговѣетъ предъ обоими этими поколѣніями и называетъ ихъ Цаганъ Ясанъ т. е. бѣлыя кости, но не смотря на почетное титло Ноіоны, вслучаѣ неудовольствія имѣютъ право наказывать Зайсанговъ тѣлесно.

Въ путешествіи моемъ съ Приставомъ случилось мнѣ видѣть Богослуженіе Калмыковъ. Они идоло-

---

(*) Долгое время власть Ноіоновъ надъ своими подданными была неограниченна до такой степени, что они располагали не только собственностію, но и жизнію людей, принадлежащихъ къ ихъ улусамъ; но такое безчеловѣчное право Россійскіе Самодержцы уничтожили милосердыми Законами, за соблюденіемъ коихъ назидаютъ всегда Частные пристава и улусные судьи, живущіе при владѣльческихъ ставкахъ и не только не допускаютъ Наіоновъ до жестокостей надъ подвластными, но вправѣ входить въ распоряженія ихъ и обиженнымъ оказывать законную защиту.

поклонники, болѣе слѣдуютъ ученію Ламы и благоговѣютъ передъ нимъ, какъ предъ Высшимъ существомъ. Многіе имѣютъ его изображеніе и хранятъ возлѣ бурхановъ священныхъ книгъ, писанныхъ на Тангутскомъ языкѣ. Желающіе совершить службу приглашаютъ въ свой улусъ Гелюнговъ (*) и Манжей. Съ особеннымъ уваженіемъ принимаютъ ихъ и почитаютъ, что ихъ присутствіе удалитъ навсегда отъ нихъ эрликовъ, т. е. чертей.

Эти духовные отцы по обряду своему поджавши ноги, сядутъ въ кружокъ, посреди кибитки; одинъ изъ нихъ вынетъ изъ боковаго кармана вызолоченной, или серебряной истуканчикъ, представляющій Ламу; поставитъ его на чистую полость и прикроетъ съ головы до ногъ тонкою кисеею; потомъ вытащитъ изъ мѣшка машинку, называемую на ихъ языкѣ кюрде. Она видомъ своимъ похожа на барабанъ, утвержденный на шпилѣ, которой приводится въ движеніе посредствомъ шнура. Какъ внутренность, такъ и наружность этого барабана, украшена разными тибетскими молитвами, писанными краскою. Старшій гелюнгъ, держа въ правой рукѣ шнуръ, безпрестанно дергаетъ его, отъ чего кюрде начнетъ вертѣться, а прочіе едва слышнымъ голосомъ повторяютъ священную формулу: Омъ ма ни падъ

(*) Гелюнгъ Священникъ, а Манжа послушникъ.

ме хумъ. (*) Въ это время сидящіе во кругъ гелюнговъ молельщики и молельщицы съ благоговѣніемъ смотрятъ на почитаемое ими Божество, испускаютъ тяжкіе вздохи и видомъ сострадангія показываютъ предъ нимъ какъ будто раскаяніе въ своихъ грѣхахъ. Спустя два часа вбѣгутъ въ кибитку нѣсколько дѣвъ, начнутъ играть въ бубны, ударять въ цимбалы, а нѣкоторые и реветь въ трубы; потомъ бѣгать во кругъ своего Божка и плясать до тѣхъ поръ, пока потъ начнетъ катиться градомъ съ ихъ одутливыхъ щекъ.

По окончаніи сего шумнаго торжества, гелюнги впялятъ въ мѣшокъ свой барабанъ, а истуканчика завернувъ въ кисею положатъ за пазуху. Потомъ хозяинъ кибитки подастъ жрецу особую чашечку съ водою, въ которую онъ обмакнетъ вѣничекъ и опрыщетъ имъ всѣхъ прихожанъ. Неимѣющіе возможности помѣститься въ кибиткѣ при отправленіи Богослуженія, сквозь щели ея обратятъ любопытные свои взоры на священнодѣйствія своихъ пастырей и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ выхода ихъ, что бы отъ почтительнаго имъ привѣтствія получить отраду и спасеніе душѣ. Но

(*) Многіе Калмыки покупаютъ у Гелюнговъ Кюрде за большую цѣну, и безъ нихъ вертятъ ее также чрезъ шнуръ почитая, что кругообращеніе ея замѣняетъ чтеніе молитвъ; а которымъ недосужно или лѣнь дергать ее, тѣ придѣлавши къ ней крылья выставляютъ ее на воздухъ и предоставляютъ вѣтру приводить молитвы въ движеніе, въ замѣнъ личной ихъ службы.

неторопливые гелюнги (*), не выходя изъ молитвенной кибитки, по приглашенію старшинъ всего хотона, примутся сперва пить калмыцкій чай, потомъ курить трубки, а на послѣдокъ ѣсть вареную или жареную на шашлыкѣ баранину. Засѣданіе ихъ продолжается около 8-ми, а иногда и до 10-ти часовъ. Въ такое продолжительное время почитатели ихъ съ тощимъ желудкомъ томятся около кибитки и съ удовольствіемъ терпятъ голодъ изъ чистосердечнаго къ нимъ уваженія.

Какъ скоро услышатъ они, что Духовные отцы вставши съ своихъ мѣстъ готовятся къ выходу, то вдугъ толпа мущинъ, женщинъ и дѣвицъ обступятъ дверцы кибитки, и всякой изъ нихъ старается на перерывъ поцѣловать полу его платья и услышать изъ устъ благосклонное слово. Одинъ ласковый взоръ гелюнга и пріятная его улыбка приводитъ въ восторгъ ревностныхъ къ нему приверженцевъ, которые взявъ ихъ подъ руки ведутъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ семействъ до своихъ кибитокъ; впереди же ихъ молодые мущины съ дѣвицами пляшутъ, играютъ въ бубны, а нѣкоторые устилаютъ путь ихъ степными цвѣтами.

При входѣ въ кибитку, богатые сажаютъ ихъ на мягкія пуховыя подушки, а бѣдные на обы-

(*) Каждой Гелюнгъ и Манжа, послѣ Богослуженія выпьетъ чашекъ по 5-ти Калмыцкаго чаю, выкуритъ трубокъ 10 крѣпкаго табаку и съѣстъ фунтовъ 10-ть вареной или жареной баранины.

кновенныя полости; но всѣ вообще стараются угощать ихъ кумысомъ или простымъ виномъ, до котораго они пристрастны болѣе, нежели мірскіе люди. Не смотря на Ламайскій законъ, воспрещающій духовнымъ отцамъ вести жизнь безбрачную, имъ приверженцы всегда предоставляютъ случаи утопать въ сладострастіи; по сей причинѣ и не имѣютъ они желанія постоянно жить при хурулахъ (монастыряхъ), имѣть въ нихъ общій столъ и воздерживаться отъ горячихъ напитковъ, а часто подъ видомъ требъ или другихъ надобностей, испрашиваютъ дозволенія Ламы и разъѣзжаютъ по всѣмъ хотонамъ, что бы пресыщаться вкусными яствами и всякаго рода удовольствіями.

Многіе изъ нихъ одарены природнымъ краснорѣчіемъ. Умѣютъ разсказывать въ бесѣдахъ разнаго рода происшествія, занимать воображеніе своихъ слушателей и пользоваться ихъ неограниченнымъ довѣріемъ. Искусны будучи въ правахъ своихъ, имъ Ноіоны, Зайсанги и богатые Калмыки препоручаютъ имѣть хожденіе по спорнымъ дѣламъ, и рѣдко случается, что бы при бдительности своей проиграли они процессъ защищаемой ими партіи или какого либо лица. Но къ несчастію сами иногда остаются въ подозрѣніи у Начальства въ отгонѣ чуждаго скота или лошадей.

Права и преимущества, дарованныя Россійскими законодателями Калмыцкому народу почти на

равнѣ съ Нагайцами. Вся Астраханская степь состоитъ въ непосредственномъ ихъ владѣніи; они вправѣ дозволить другой націи кочевать на ней, и вслучаѣ самовольнаго татарами помѣщенія воспретить имъ. Съ согласія общественнаго вольны избирать другой родъ жизни (*) заводить фабрики, вступать въ откупы, подряды, заниматься рукомесломъ, производить разнаго рода мѣлочную и оптовую торговлю, сообразно постановленнымъ отъ Россійскаго правительства на таковой предметъ правиламъ. Освобождены отъ платежа подушныхъ и рекрутскихъ денегъ; изъяты отъ поземельной повинности; но обязаны только удовлетворять почтосодержателей станцій за возку почтъ, да и этотъ окладъ не превышаетъ 2-хъ рублей съ души въ годъ.

Въ родственныхъ отношеніяхъ права ихъ и обыкновенія во многомъ одинаковы съ нашими.

Дѣти мужескаго пола, послѣ смерти отца своего остаются наслѣдниками всего движимаго и недвижимаго имущества. Старшій изъ нихъ заступаетъ мѣсто родителя. Вдова не учавствуетъ въ имѣніи мужа, по смерти его, но и на собственность ея приданаго не имѣютъ права дѣти

(*) Калмыки, по привязанности къ кочевой жизни не переходятъ въ другія сословія, но всегда готовы на манеръ линейныхъ козаковъ служить подъ русскими знаменами и личными заслугами пріобрѣтать почести, принадлежащія храбрымъ воинамъ.

ея обоихъ половъ. Она по желанію своему можетъ передать имъ имѣніе при жизни, завѣщать при смерти или возвратить роднымъ. Всѣ уступныя и завѣщательныя записи дѣлаются съ засвидѣтельствованія ихъ гелюнговъ, улусныхъ судей и родственниковъ. Оставшійся послѣ смерти родителей своихъ и родственниковъ безъ всякаго наслѣдства Калмычёнокъ называется байгушъ (*) т. е. бѣднякъ, сирота. Онъ отдается по распоряженію общества къ какому нибудь семейству, причисляется къ его роду, и имѣетъ на равнѣ съ дѣтьми его право наслѣдства.

Дѣти, оставшіеся отъ первой жены, при жизни отца ихъ, оказываютъ уваженіе мачихѣ, изъ почтенія только къ ихъ родителю, по смерти котораго, если она не прижила съ нимъ дѣтей, или презрѣніе пасынковъ и падчерицъ становится ей въ тягость, всегда уѣзжаетъ на жительство къ своему отцу, матери или роднымъ. Она не имѣетъ правъ въ наслѣдіи мужа и не обязана передавать собственности ни его дѣтямъ, ни своимъ.

Выдаваемыя въ замужество дочери пользуются приданымъ по волѣ отца, матери, а за смертію ихъ по распоряженію родныхъ; но имъ назначается малая часть изъ имѣнія, противу мужскаго пола.

(*) Байгушами называются у нихъ и всѣ вообще бѣдные люди, снискивающіе пропитаніе работою, и имѣющіе малую часть рогатаго скота, овецъ, одну или двѣ лошади.

Всѣхъ юношей и дѣвицъ обязываетъ законъ почитать старшихъ. Пренебреженіе, оказанное имъ и неповиновеніе наказывается родителями безъ всякаго суда. Ихъ власть надъ дѣтьми есть священная и неограниченная, исключая уголовныхъ преступленій.

Но и тѣ самыя, по общепринятому ихъ обыкновенію обсуживаются иногда на мѣстѣ улусными судьями, безъ отсылки виновныхъ къ суду, напр: попавшійся въ первый разъ въ воровствѣ лошади, овцы или рогатой скотины Калмыкъ подвергается штрафу, во второй наказывается въ виду старшинъ нагайкою, а въ третій отсылаютъ его на сужденіе къ частному приставу, которой уже съ общаго мнѣнія судей и согласія Главнаго Пристава препровождаетъ виновнаго вмѣстѣ съ слѣдственнымъ дѣломъ въ Уѣздный судъ. Безъ всякой отмѣны поступаетъ Начальство и съ похитителями казенной соли, передержателями безъ письменныхъ видовъ бродягъ и съ самовольно отлучившимися въ другой уѣздъ, или той же Губерніи какой либо городъ безъ паспортовъ. Не избавляется отъ слѣдствія и тотъ, кто не объявитъ старшинѣ о перебѣжавшей въ его стадо изъ чужаго коровы, быка, овцы, а изъ табуна лошади; равной участи подвергается и передатель чуждаго въ другія руки вмѣстѣ съ принимателемъ, хотя бы первый изъ нихъ не получилъ отъ послѣдняго никакой выгоды.

Главное занятіе Калмыковъ состоитъ въ размноженіи овецъ, лошадей и рогатаго скота.

Лошади ихъ довольно рослы, различной шерсти, дики и даже неприступны. Съ великимъ трудомъ ловятъ ихъ Калмыки въ табунѣ и большое прилагаютъ стараніе объѣзжать верхомъ. Но они такъ въ этомъ искусны, что могутъ почесться первыми въ мірѣ объѣзщиками. Лично я видѣлъ, какъ они накидываютъ на нихъ арканъ въ табунахъ, по примѣру Нагайцевъ и что бы приучить каждую къ верховой ѣздѣ садятся сперва на лошадь безъ сѣдла; чрезъ два или три дня, смотря по характеру ея набрасываютъ мягкой подсѣдельникъ, на которомъ проѣзживаютъ ее болѣе недѣли, и когда увидятъ, что лошадь начинаетъ привыкать къ сѣдоку сѣдлаютъ ее во всю форму, ѣздятъ на ней по трое сутокъ и не снимаютъ сѣдла по недѣли; стреноживаютъ во время пастьбы и оставляютъ въ путахъ на цѣлую ночь. Мнѣ случалось видѣть и упрямыхъ лошадей, которые при всей дикости не могутъ сбрасывать Калмыковъ на землю; не смотря на то, что она старается лечь на бокъ догадливый Азіятъ, безъ пощады бьётъ её въ то время нагайкою; отъ этихъ тяжкихъ ударовъ лошадь вскакиваетъ, становится на дыбы, или скачетъ во весь опоръ, подвергается усталости и съ изнеможеніемъ силъ постепенно обуздываетъ свою свирѣпость;— если же Европѣецъ, по незнанію осмѣлится подойти къ

ней близко, то въ одно мгновеніе успѣетъ она ударить его задними ногами, или оборвавши веревку и узду ускакать за нѣсколько верстъ, и кто жъ можетъ ее поймать? Проворный и изгибистый Калмыкъ, стремительно набрасывающій на нее арканъ, и искусно останавливающій ее на самомъ скаку.

О размноженіи коневодства, они не прилагаютъ особеннаго попеченія и не имѣютъ отличнаго приплода жеребцовъ и кобылицъ. Всё предоставляетъ *имъ одна природа и надѣляетъ* ихъ безъ (излишнихъ) докучливыхъ трудовъ большими табунами.

Относительно овцеводства, надобно отдать имъ справедливость, что они имѣютъ довольно хорошее понятіе о улучшеніи его и стараются всегда привести эту статью въ усовершенствованіе. Недопускаютъ никогда барановъ, овецъ и ягнятъ до какой нибудь болѣзни, и искусны лѣчить ихъ отъ нея во всякомъ случаѣ, не требуя совѣта или пособія ветеринаровъ. Собираемую съ нихъ въ большемъ количествѣ шерсть употребляютъ они на кошмы, или иначе сказать войлоки; по примѣру прочихъ кочевыхъ народовъ обвѣшиваютъ ими кибитки, а внутри ихъ служатъ они имъ вмѣсто постелей и на подсѣдельники.

Изъ шкурокъ ягнячьихъ (*) выдѣлываютъ Калмыки мерлушки, а изъ бараньихъ и овечьихъ ов-

(*) Ягнячьи шкурки, бараньи и овечьи выдѣлываютъ они точно такъ, какъ и Нагайцы.

чины, изъ которыхъ шьютъ довольно прочные и теплые тулупы. Закупщики ихъ рухляди Астраханскіе жители и пріѣзжіе изъ Великороссійскихъ Губерній обыватели, называемые скотинщиками, потому что они покупаютъ у нихъ въ значительномъ количествѣ рогатую скотину.

Ее по справедливости нельзя назвать отличною; и хотя она, по тѣлосложенію, росту и красивости можетъ почесться лучшею, противу находящихся въ прочихъ губерніяхъ, но никогда не сравняется съ Холмогорскою. Съ падшей отъ болѣзни и съ убитой для своего продовольствія шкуры продаютъ они тѣмъ же купцамъ, а по большей части отвозятъ ихъ въ Астрахань къ тамошнимъ заводчикамъ. Эта продажа доставляетъ имъ средства закупать различныя въ томъ городѣ издѣлія и удовлетворять свои потребности.

Кочующіе въ Казенныхъ и Владѣльческихъ улусахъ Калмыки, обремененные большимъ семействомъ, и не имѣющіе въ значительномъ количествѣ рогатаго скота, овецъ и лошадей, которыхъ называютъ байгушами, получивши отъ Пристава на свободное прожитіе законные документы, уходятъ пѣшкомъ въ Астрахань и нанимаются въ годовые работники къ тамошнимъ рыбнымъ промышленникамъ, у которыхъ занимаются они въ веслахъ, починиваютъ весною старыя сѣти, вяжутъ новыя и дѣлаютъ приуготовленія на судахъ къ отплыву на Эмбу, для производства рыбной морской ловли.

Съ пріятностію можно посмотрѣть на трудолюбивыхъ, сильныхъ и крѣпкихъ Калмыковъ, которыхъ почитаютъ первыми въ мірѣ весельными гребцами. Одинъ человѣкъ въ лодкѣ, помѣщающей 5, а иногда и семь посажировъ, довольно съ значительною поклажею, подъ управленіемъ кормщика перегребаетъ въ сутки до 80-ти, а иногда до 90 верстъ. Никогда не увидите вы на рукахъ этого гребца мозолей и не услышите ропота его, въ отношеніи усталости. Цѣлое лѣто трудится онъ на хозяйскомъ корму за 40, а много какъ за 50 руб. мѣди. Его не устрашаютъ ни ревущія волны обширной Волги, ни грозныя бури свирѣпаго моря. Онъ готовъ переплывать ихъ до изнеможенія силъ и избѣгать при всякомъ случаѣ боязни, сильно потрясающей слабодушнаго пловца.

При вязкѣ сѣтей, дѣятельныя руки Калмыка въ два часа вывязываютъ до 3-хъ косовыхъ саженъ. Собрать ихъ въ короткое время въ кучу и недопустить до запутанности, во время лова рыбы, есть дѣло расторопнаго вязальщика, искуствомъ своимъ превозвышающаго всѣхъ разновѣрцовъ, нанимающихся съ ними на ватагахъ, очугахъ, рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ обширнаго Каспійскаго моря.

Всѣ Астраханскіе промышленники съ величайшею охотою нанимаютъ Калмыковъ въ работу, ищутъ ихъ при недостаткѣ въ городѣ, а часто и посылаютъ за ними нарочитыхъ въ улусы. Озада-

чиваютъ деньгами, иногда не заключаютъ съ ними письменныхъ договоровъ; не сомнѣваясь въ ихъ обѣщаніяхъ, свято чтимыхъ ими во всякомъ случаѣ, дѣлаютъ имъ довѣріе въ собственности своей и предоставляютъ даже распоряжаться имъ, какъ прикащикамъ. Во всѣхъ возлагаемыхъ на нихъ порученіяхъ, они тщательны въ изысканіи выгодъ, бережливы въ сохраненіи чуждой собственности и вѣрны въ отчетахъ.

Но выгоды, пріобрѣтаемыя ими отъ заработковъ въ сравненіи съ тѣми, которыя получаютъ отъ кочевой жизни слишкомъ малозначительны. Продажа рогатаго скота, овецъ, лошадей, верблюжей шерсти, различнаго рода невыдѣланныхъ шкуръ, мерлушекъ, овчинъ и тулуповъ составляетъ существенное цѣлой націи богатство. Многіе калмыки имѣютъ значительное состояніе, а нѣкоторыхъ считаютъ за милліонеровъ. Принявъ въ соображеніе, что Европейская роскошь имъ не извѣстна, и они не имѣютъ никакихъ прихотей, тѣсно соединенныхъ съ большими издержками, легко можно повѣрить, что капиталы ихъ ежегодно увеличиваются и они со временемъ сдѣлаются богачами, на равнѣ съ Европейскими.

Но не входя въ утонченное изслѣдованіе сокровенныхъ видовъ, считаю нужнымъ ознакомить моихъ читателей съ планировкою кибитокъ коче-

ваго народа, во время пребыванія ихъ на одномъ мѣстѣ, и образомъ движенія цѣлой массы, перекочевывающей на другое.

Главное мѣсто улуса называютъ калмыки орга, т. е. Владѣльческая ставка; при ней всегда находится Хурулъ (монастырь) и базаръ, гдѣ имѣютъ пребываніе Частный Приставъ и улусные судьи; въ казенныхъ же улусахъ ставка главнаго хурула называется куря.

Владѣльческія кибитки ставятся особо отъ прочихъ, на нѣсколько саженъ и сверхъ отличной наружности, при дверяхъ каждой врывается въ землю на длинномъ черенкѣ, остріемъ вверхъ, пика. Ночью покой Ноіона и его семейства охраняютъ посмѣнно караульные. Надъ кибиткою же Бурхани-орге, въ которой хранятся бурханы, развѣваются на высокихъ шестахъ съ различными изображеніями два флага. Какъ ее имѣютъ обыкновеніе учреждать отдѣльно, то всегда ограждаютъ круглою цѣпью другихъ кибитокъ, замѣщаемыхъ Ламою, Гелюнгами и прочимъ духовенствомъ. Гораздо подалѣе отъ нея особая группа кибитокъ представляетъ базаръ. Всѣ онѣ, для безопасности отъ похищенія товаровъ ставятся плотно одна къ другой и составляютъ отдѣльный кругъ съ дверьми, обращенными во внутренность площадки, въ которую ведетъ нарочито оставленный въ одномъ мѣстѣ узенькій переулокъ. Въ этомъ базарѣ Армяне и татары производятъ различными товарами

мелочную, но весьма выгодную торговлю. Они изустно передаютъ свѣденія Калмыкамъ обо всѣхъ новостяхъ и тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ привязанность народа, жаждущаго удовлетворить любопытство различными предметами, для разсѣянія единообразной своей жизни.

Но она занята бываетъ дѣятельностію во время перекочеванія ихъ. Какъ скоро пастбищныя мѣста, въ окрестностяхъ худука (колодца) истреблены скотомъ, овцами и табунами, въ то время Владѣлецъ даетъ приближенннымъ своимъ замѣтить, что нужно откочевать на другое мѣсто. Онъ, по волѣ своей посылаетъ нарочныхъ во всѣ кибитки извѣстить о намѣреніи своемъ. Предупрежденные Калмыки съ семействами каждое утро ожидаютъ сигнала, и какъ скоро увидятъ, что среди орги воткнута въ землю владѣльческая пика, въ нѣсколько минутъ успѣютъ разобрать кибитки, запречь воловъ въ арбы, покласть въ нихъ имущество и навьючить имъ верблюдовъ. Чрезъ часъ огромный караванъ двигается съ мѣста и оставляетъ на землѣ, отъ сгорѣвшаго аргасуна одинъ пепелъ, какъ признакъ ихъ обитанія.

Впереди всего каравана всадникъ везетъ владѣльческую пику; за нимъ ѣдетъ семейство Ноіона, окруженное Зайсангами и служителями; близъ нихъ въ особенномъ экипажѣ, называемомъ денгъ-тер-

гинъ (*), въ сопровожденіи всего духовенства везутъ Ламу съ владѣльческими дѣтьми; вслѣдъ за ними гордо выступаютъ бѣлые верблюды, съ уложенными въ ящикахъ бурханами. На таковыхъ же животныхъ дѣти прочихъ Калмыковъ, посаженнныя въ мѣшки и коробы, высунувъ изъ нихъ головки качаются по бокамъ ихъ, а старики и старухи сидятъ на самомъ верху между вьюковъ. Юноши же, мужщины, женщины и дѣвицы, нарядившись въ праздничныя платья, верхами на лучшихъ бѣгунахъ затѣютъ скачку и стараются другъ предъ другомъ похвалиться быстротою коней, ловкостію наѣздничества и самою перебежкою до того мѣста, гдѣ должень остановиться караванъ ихъ. По сторонамъ котораго, на пространствѣ 5-ти или 6-ти верстъ тянутся стада, а кавалкады охотниковъ съ гончими собаками ловятъ зайцевъ, спускаютъ на нихъ ученыхъ ястребовъ или балабановъ. Въ это время не рѣдко случается, что амуръ стрѣлами своими жестоко поражаетъ кочующія сердца, или ловитъ ихъ украдкою въ плѣнъ свой.

Равнымъ образомъ, подвиженію главной ставки имѣютъ направленія свои всѣ хотоны и цѣлой улусъ, которые останавливаясь при хŷдукахъ (ко-

---

(*) Этотъ Экипажъ состоитъ изъ арбы, къ оглоблямъ которой, между заложеннымъ воломъ и колесами, привѣшивается на четырехъ ремняхъ нѣчто похожее на колыбель, закрытую со всѣхъ сторонъ войлаками.

лодцахъ), (*) никогда впродолженіе весны, лѣта и осени не кочуютъ на однихъ мѣстахъ болѣе недѣли. Одна зима побуждаетъ ихъ имѣть постоянное кочевье и заставляетъ отъ Ноября мѣсяца до первыхъ числъ Февраля вести жизнь безпечную.

Образъ домашней жизни простаго народа сначала покажется похожимъ на прочихъ кочевыхъ обитателей, но когда станешъ вникать во всѣ подробности, то нечувствительно увидишъ непримѣтную для другихъ разницу. Нагаецъ по религіи своей, не обмывъ всѣхъ членовъ тѣла, исключая спины, и не прочитавъ молитвъ никогда не сядетъ за яству; напровивъ того Калмыки, слѣдуя инстикту утоляютъ *свой* голодъ и жажду, по мѣрѣ потребности своего желудка; никогда, подобно магометанамъ, не наблюдаютъ они чистоты въ своихъ кибиткахъ, а женщины и дѣвицы такъ небрежны, въ отношеніи своей посуды, что не только утонченнный въ свѣтскомъ общежитіи Европѣецъ, но даже простолюдинъ съ отвращеніемъ станетъ смотрѣть на ихъ приуготовленія къ обѣду или ужину. Часто при личности самаго Пристава принималъ я на себя обязанность повара и кухарки. Что бы приуготовить вкусную пищу, вымывалъ горячею водою казанчикъ (котликъ), деревянную

(*) Весною караванъ проходитъ въ одинъ день отъ 15-ти до 20 верстъ, лѣтомъ въ жары отъ 10 до 15, а осенью отъ 25 и до 40, и послѣ каждаго перехода, для отдыха останавливается на короткое время.

чашку, для промытія говядины, а чаще всего баранины; имѣлъ всегда въ запасѣ, какъ старообрядецъ свою деревянную ложку, полотенцо, ножикъ, вилку и никогда не докучалъ добродушнымъ хозяевамъ о сервизѣ, которой состоитъ у нихъ изъ чугуннаго котла, большаго деревяннаго половника, маленькихъ деревянныхъ чашечекъ и коническихъ кружекъ, называемыхъ домбами. Калмыцкій чай, вареная баранина съ щербою, безъ хлѣба, соли и приправъ составляютъ жизненное *для Калмыковъ продовольствіе.* Любопытно было видѣть ихъ семейную трапезу. Утромъ, по обыкновенію своему женщины варятъ этотъ чай. Многіе Европейцы, не бывъ въ томъ краю, безъ сомнѣнія, не знаютъ приготовленія его, вкуса и дажа самаго растенія. Оно, по увѣренію бывшихъ въ Китаѣ Студентовъ при Миссіи находившихся, есть листы употребляемаго нами цвѣта. Эти самые листы, не ощипывая стебеля кладутъ Китайцы въ тиски и составляютъ изъ нихъ длиною въ двѣ четверти, а шириною въ одну, доски, столь отъ засухи и пресса твердыя, что надобно крошить ихъ острымъ ножемъ и съ большимъ напряженіемъ. Та доска, которая требуетъ этого усилія почитается лучшею. Сперва Калмычка поставивъ на таганъ большой чугунной котелъ, изъ котораго можно накормить кушаньемъ до 50-ти Европейцевъ скипититъ въ немъ воду, потомъ Калмыкъ или жена его накрошитъ съ доски чаю, не болѣе 5-ти

лотовъ. Эту препорцію всыпятъ они въ котелъ и черпая половникомъ жидкость вмѣстѣ съ разварившеюся травою переливаютъ ее безпрестанно, короче сказать: впродолженіе двухъ часовъ взмѣшиваютъ ее частымъ отъемомъ и приливомъ. Большое надобно имѣть терпѣніе, что бы дождаться этого чаю, которой медлительная хозяйка процѣживаетъ чрезъ ситечко въ другой котелъ, и переливъ изъ него въ прежній заправляетъ на огнѣ сливками, а чаще всего густымъ молокомъ и масломъ и потомъ взмѣшиваетъ половникомъ болѣе часа. Напослѣдокъ разливаетъ въ чашечки и подаетъ всей семьѣ и посѣтителямъ. Не необходимость пользоваться ихъ гостепріимствомъ, но страсть узнать обыкновенія каждаго народа и испытать его вкусъ, было причиною благосклоннаго моего пріёма, которой Калмыки по невѣденію своему считали за чистосердечное къ нимъ расположеніе. Бывъ въ аулѣ у моего кунака, я было привыкъ къ калмыцкому чаю, потому что чистоплотность въ приготовленіи его не поселяла во мнѣ отвращеніе, но въ кибиткѣ у Калмыка, котораго семейство въ сальную, пыльную и даже закоптившуюся отъ дыма посуду наливаетъ свѣжій чай, я съ большимъ принужденіемъ долженъ былъ выпить одну чашечку, которая чрезъ 5-ть минутъ послужила мнѣ вмѣсто рвотнаго. Отъ ихъ кушанья и пойла такъ очистило мой желудокъ, что никакой медикъ, помощію микстуръ не довелъ бы его

до такого положенія. Напротивъ того кочевый народъ отъ того чая дѣлается довольно тучный, здоровый и даже сильный.

Кибитка у Калмыка замѣняетъ кухню, спальню, залу, пріемную и кабинетъ. При входѣ въ нее постлана кошомка для обтирки ногъ; баранина, говядина и масло въ пузыряхъ висятъ на веревкахъ, привязанныхъ къ клѣтямъ; посреди каждой кибитки стоитъ таганъ, а подъ нимъ горящій аргасунъ, во кругъ котораго сидятъ калмыки съ женами, дѣтьми и курятъ простой табакъ; по обѣимъ сторонамъ ея напротивъ дверцовъ лежитъ ихъ имущество: подушки, лучшія кошмы, тулупы, а у богатыхъ и кованыя сундучки. Изготовивъ барана, вѣсомъ въ четыре пуда, семейство изъ 5-ти, 6-ти или 7-ми человѣкъ начинаетъ обѣдать слѣдующимъ образомъ:

Вынувъ изъ котла сварившуюся баранину положутъ ее въ большую деревянную чашу, потомъ разрѣжутъ на части и отдѣливъ мясо отъ костей, искрошутъ его на подобіе лапши; старшій возьметъ большую часть въ особую чашку, а меньшую раздѣливъ прочимъ начинаетъ кушать свою порцію безъ ложки и вилки рукою, захвативъ въ ладонь по болѣе 5-ти столовыхъ ложекъ и такъ скоро, что фунтовъ 15-ть съѣдаетъ не болѣе въ 10-ть минутъ. Не мало удивлялся я необыкновенному апетиту калмыковъ, и когда приставъ замѣтилъ, что пристрастіе ихъ къ-ѣдѣ или лучше ска-

зать жадность занимаютъ меня, ѣхавъ со мною на пути въ улусъ сказалъ мнѣ улыбаясь: «Я скоро «покажу вамъ такого ѣдока, которой удивилъ бы «цѣлую Европу.»

Въ скоромъ времени,онъ оправдалъ себя въ своемъ обѣщаніи. По приказанію его переводчикъ пригласилъ къ столу Калмыцкому довольно толстаго, средняго роста, но широко-плечаго Азіята, расположившагося показать намъ свое искуство вдоволь покушать. Ему былъ поданъ хозяиномъ кибитки небольшой барашекъ, котораго вареное мясо свѣсили мы напередъ на безмѣнѣ, взятомъ нами на этотъ случай у купца, торгующаго въ улусѣ разными товарами. Это мясо вытянуло не болѣе 30 фунтовъ. Вѣжливый калмыкъ, посмотрѣвъ на насъ съ простосердечною улыбкою придвинулъ къ себѣ чашу, искрошилъ мясо на подобіе лапши, и въ четверть часа, нимало не останавливаясь всею пятернею, безъ ложки, соли и хлѣба съ самодовольствіемъ скушалъ всю ту баранину; потомъ выкурилъ въ продолженіе часа трубки три табаку и спокойно отправился спать въ кибитку къ своей любезной супругѣ. Правду сказать, что этотъ человѣкъ удивилъ бы Европейцевъ, а въ особенности воздержныхъ и деликатныхъ французовъ, которые безъ сомнѣнія, почли бы его за медвѣдя, а не за человѣка.

Деликатностію своею могутъ похвалиться только Владѣльцы, у которыхъ кушанье приготовляютъ

въ особыхъ кибиткахъ довольно вкусное и чай ихъ можно пить безъ отвращенія. Внутренность ихъ шатровъ обтягивается шелковою матеріею, за которою не примѣтны рѣшетки, палки и кошмы, постели учреждаются обыкновенно противъ дверей, покрыты одѣялами, а для прикрасы обставлены въ видѣ балдахина богатыми пологами; по обѣимъ же сторонамъ наставлены сундуки и прикрыты коврами; среди коихъ, на лѣвой отъ входа въ рѣзныхъ и раскрашенныхъ кумирняхъ красуются бурханы. Землю устилаютъ иные кошмами, а друіе коврами. Прочія же мѣста кибитки обвѣшиваютъ богатыми сѣдлами, горскими ружьями, пистолетами, кинжалами и даже шашками; но не смотря на блестящій по ихъ обыкновенію уборъ, посреди этого шатра всегда курится аргасунъ для раскуриванія трубокъ. Нѣкоторые Зайсанги подражаютъ домашнему быту владѣльцевъ, но большую часть ихъ нельзя различить отъ простолюдиновъ.—

Занимательнѣе же всего характеръ Калмыковъ. Разсматривая поступки и соотношенія съ единовѣрцами и разновѣрцами можно было замѣтить сперваго раза въ разговорахъ ихъ хладнокровіе; но въ этомъ положеніи находятся они до того времени, пока не оскорбляютъ ихъ чести, не простираютъ корыстолюбивыхъ видовъ на собственность и свято чтутъ данныя имъ обѣщанія. Оскорбившій калмыка непристойными словами человѣкъ въ пер-

вомъ пылу гнѣва подвергнетъ себя неизбѣжному мщенію. Онъ не посмотритъ ни какакое лице, угрозы и поразитъ своего противника смертоноснымъ орудіемъ или изобьетъ толстою плетью. Обнаруживъ по торговлѣ обманъ покупателя или продавца, никогда уже послѣ того не вступитъ съ нимъ ни въ какія связи. Впредосторожность отъ лжи, сильно раздражающей ихъ, они со всѣми покупщиками рогатаго скота заключаютъ на основаніи нашихъ законовъ условія; но тѣмъ, которые выплачиваютъ въ срокъ деньги отпускаютъ его въ долгъ на значительную сумму и ждутъ заплаты ея лѣтъ по десяти. Въ семейной жизни довольно обходительны, нѣсколько суровы, но снисходительны; вѣрны въ обѣщаніяхъ и готовы на всякую услугу. Разсчетливы въ покупкѣ товара, свѣдущи въ добротѣ и даже цѣнности его. Медлительны при начатіи дѣла и рѣшительны въ бою. Въ 1812-мъ году, на манеръ линейныхъ козаковъ, они отличались противу общаго врага Европы и воинскими доблестями пріобрѣли Монаршую милость. Вообще хорошіе наѣздники, сильны въ борьбѣ и искусны въ кулашномъ бою. Въ походѣ, съ терпѣніемъ переносятъ воинскія трудности и менѣе требуютъ съѣстныхъ припасовъ. Калмыкъ доволенъ и сырою говядиною, пропарившеюся подъ сѣдломъ; ѣстъ её съ апетитомъ, и нескучаетъ о провіантѣ, какъ будто излишнемъ для него припасѣ. Всегда сыщетъ на полѣ овцу, быка, корову, лошадь, предастъ ее въ

жертву, раздѣлитъ по частямъ съ товарищами и довольствуется вѣрнымъ запасомъ на цѣлую недѣлю.

Изъ характера народнаго можно видѣть воспитаніе его. Калмыки не имѣютъ Европейскаго гражданскаго образованія, но нельзя назвать ихъ дикимъ или полудикимъ народомъ. Образъ ихъ мыслей, исключая вѣроисповѣданія правильный и даже назидательный для другихъ. Ихъ первое правило: »Чего не желаешъ себѣ, того не дѣлай другому« *есть истинное религіозное* чувство *христіанина*; люби ближнихъ, помогай имъ сообразно силамъ своимъ и состоянію, почитай старшихъ, уважай родителей, чти ихъ власть свыше всякой, за что ближніе будутъ любить, враги трепетать, есть основная нравственность идолопоклонниковъ. Всѣ соотношенія ихъ, по взаимнымъ связямъ съ сосѣдственными народами исполняются на сихъ прочныхъ правилахъ, подтверждающихъ ихъ образованіе. Многіе изъ нихъ довольно хорошо говорятъ по Русски, а нѣкоторые и пишутъ; изъ владѣльцевъ же и Зайсанговъ, кромѣ Князей тюменевыхъ, ни одинъ не только не пишетъ, но даже и не объ ясняется на нашемъ языкѣ. Для дѣтей не имѣютъ ни школъ, ни книгъ, но передаютъ имъ изустно наставленія, заимствованныя ими отъ предковъ. Съ развитіемъ умственныхъ способностей, эти дѣти твердо укореняются въ занятіяхъ, сообразныхъ кочевой ихъ жизни. Мальчикъ,

съ 7-ми лѣтъ, здоровой по тѣлосложенію и твердости духа привыкаетъ ѣздить верхомъ, девяти становится способнымъ смотрѣть за табуномъ, скотиною, овцами; двѣнадцати свободно ловитъ на арканъ лошадь, приводитъ ее на немъ въ улусъ и даже, въ случаѣ нужды объѣзжаетъ на сѣдлѣ; въ кибиткѣ валяетъ съ старшими кошмы, сукно, выдѣлываетъ мерлушки, овчины, умѣетъ шить тулупы, шапочки, коженые шаравары и даже различную обувь.

Дѣвицы, съ дѣтства приучаются матерьми ко всякой работѣ. Шить національное платье изъ покупаемыхъ у лавошниковъ издѣлій и выдѣланныхъ ими овчинъ и мерлушекъ; приуготовлять сливочное масло, ухаживать за скотиною и исправлять всѣ потребности, относящіяся до жизненнаго продовольствія. По ихъ образу жизни онѣ дѣлаются хорошими хозяйками. Натурально, не имѣютъ никакихъ свѣденій о наукахъ, судятъ о предметахъ, соотвѣтственно кочевой жизни, но основательно и столь благоразумно, что никакой критикъ не въ состояніи опровергнуть ихъ справедливаго мнѣнія.

Въ увеселеніяхъ ихъ нѣтъ ничего забавнаго, привлекательнаго, какъ у Европейцевъ, и пляски Калмыцкія не только занимательны, но даже утомительны. Онѣ не имѣютъ ни живости, ни плѣнительной граціи, очаровывающей взоры; и когда начнешъ со вниманіемъ разсматривать, какъ они

стараются изгибать руки по кадансу бубна, преклонять колѣна, выгибать ноги и оказывать искусство пантоминами, то невольнымъ образомъ пожалѣешь о плясунахъ, изнурявшихъ свои члены изъ одного мнимаго удовольствія.

Этотъ недостатокъ замѣняютъ Калмыки на скачкахъ, во время ихъ праздниковъ. Они, по обыкновенію своему съѣзжаются на ровное поле на отличныхъ бѣгунахъ; два наѣздника, при свидѣтеляхъ, жаждущихъ на всемъ скаку видѣть искуство въ побѣдѣ одинъ надъ другимъ дадутъ за руки посредникамъ закладъ въ 50, во 100 и даже въ 200 рублей ассигнаціями. Предупредя своихъ товарищей, что стащившій съ лошади остается побѣдителемъ, сопротивники, на подобіе пущенной изъ лука стрѣлы, приударивъ скакуновъ, пустятся версты на полторы во весь опоръ, и не доскакавъ до назначеннаго мѣста на скаку одинъ другаго стаскиваетъ съ лошади, или сбрасываетъ на землю, или пересаживаетъ на свою лошадь; другіе на скаку же подхватываютъ мелкую серебреную монету, четвертакъ, гривенникъ и даже пятачокъ; выполняютъ условія съ отчетливостію и никогда не дѣлаютъ проигрыша, на счетъ своего искуства, опытностію пріобрѣтеннаго; имъ должно отдать справедливость, что они отличные наѣздники и готовы заложить все свое имѣніе, если кто либо подхватитъ его на арканъ.

Многіе дѣлаютъ попытки, но ни одному надъ другимъ не удается одержать побѣды. Ловкость не допустить до себя близко, закинуть голову за гриву лошади, оборотится на бокъ, или подъ пузо ея, ухватиться руками за стремена, придерживаясь ногами за арчакъ и ускакать отъ своего противника, есть столь быстро преходяща, что каждой зритель не только удивится, но даже не повѣритъ глазамъ своимъ, и сочтетъ эти сцены за метеоръ или волшебныя явленія, сопровождаемыя адскою силою.

Но гостепріимствомъ Калмыки, не могутъ похвалиться предъ Нагайцами. Безспорно, что они путешественника въ первый разъ поподчиваютъ, оставятъ погостить, но только такого, отъ котораго надѣются пріобрѣсть какую нибудь выгоду, короче сказать: соразмѣряютъ виды свои, подобно Европейцамъ, и по недовѣрчивости къ нимъ строго осмотрительны. Вникаютъ въ каждую малость и не оставятъ безъ вниманія узнать біографію посѣтившаго ихъ лица. Эти утомительные распросы часто наводили мнѣ скуку, но не служили въ тягость изъ уваженія моего къ ихъ Приставу, сопутствовавшему мнѣ по всѣмъ мѣстамъ, занимаемымъ этимъ народомъ. Его присутствіе со мною останавливало Калмыковъ отъ излишняго любопытства и обнаружило ихъ скрытность, употребляемую, противу Европейцевъ. Вотъ тому доказательство.

Въ одномъ улусѣ дѣлали приуготовленіе къ свадьбѣ; приглашаютъ пристава и совѣтуются съ нимъ можно ли допустить меня быть свидѣтелемъ ихъ новобрачнаго празднества. Чистосердечно расположенный ко мнѣ Начальникъ ихъ объяснилъ имъ, что я короткій *его пріятель*, довольно знакомъ съ главнымъ ихъ Приставомъ, пользуюсь его уваженіемъ и извѣстенъ многимъ особамъ, служащимъ въ Иностранной Коллегіи. Эта рекомендація открыла мнѣ путь бесѣдовать съ протекторомъ въ кибиткѣ, при большомъ собраніи мужскаго и *женскаго пола*, Гелюнговъ, старшинъ и видѣть ихъ свадебныя пирушки, странныя, но для наблюдателя занимательныя и веселыя по разнообразію пріемовъ; что всякой Европѣецъ отъ души посмѣется и пожелаетъ, что бы такія сцены почаще являлись и въ столицахъ для забавы всѣхъ классовъ людей.

Сватовство у Калмыковъ не въ употребленіи. Дѣвицы, посѣщающіе кибитку для отправленія Богослуженія, имѣютъ случай знакомиться съ юношами. Въ продолженіе года, а иногда двухъ, когда любовныя связи укрѣпятъ союзъ въ пламенѣющихъ другъ къ другу сердцахъ, въ то время предавшіеся страсти объясняютъ намѣренія свои родителямъ. Съ ихъ согласія вступаютъ невѣста и женихъ въ законной бракъ. (*)

(*) Часто случается, что смѣтливые женихи увозятъ не-

До начатія его, отцы и матери переговорятъ между собою, безъ свидѣтелей, и заключатъ словесной договоръ, сколько должна невѣста принести за собою приданаго жениху. Изслѣдуютъ напередъ какими способами и средствами мужъ будетъ пропитывать жену свою и будущихъ дѣтей; достаточны ли онѣ, и не требуютъ ли поддержки Со стороны родителей? Они съ утонченною разборчивостію вникнутъ въ взаимныя склонности ихъ и дознавъ чистосердечное другъ къ другу расположеніе приступаютъ къ заключенію брака.

Присутствующими его въ назначенный день, въ обширной кибиткѣ, вмѣщающеи до 50-ти человѣкъ бываютъ Гелюнги, старшины, родственники съ обоихъ сторонъ и почетные изъ того улуса старики. По обыкновенію ихъ невѣста и женихъ, садятся между двухъ Гелюнговъ, предъ которыми на кошмѣ поставятъ почитаемыя вступающихъ въ бракъ божества (статуйчики), смотрятъ на нихъ

вѣстъ тайкомъ на отличныхъ бегунахъ въ улусы и совершаютъ въ нихъ браки чрезъ Гелюнговъ. Это похищеніе ни родителями, ни родственниками и даже сторонними людьми не почитается за предосудительность; но напротивъ того всѣхъ похитителей называютъ они удальцами, сообщаясь съ ними, воздаютъ имъ похвалу и за таковыя подвиги дѣлаются дружелюбными ихъ семьянинами; если же при похищеніи, отецъ невѣсты или родственники ея догонятъ ихъ на пути и успѣютъ отбить у жениха невѣсту, то его изобьютъ нагайками, какъ недостойнаго владѣть ею, а дѣвицу увезутъ къ себѣ.

съ благоговѣніемъ и умилительными взорами и спрашиваютъ милости. Вмѣстѣ съ ними разставятъ своихъ божковъ духовные отцы и въ глубокомъ молчаніи взирая на нихъ, какъ на святыню испускаютъ тяжелые вздохи; сидя наклоняютъ безпрестанно надъ ними головы, пошевеливаютъ губами и этимъ шептомъ умоляютъ ихъ о ниспосланіи счастливой супружеской жизни на новобрачныхъ. Спустя четверть часа, въ одно мгновеніе схватятъ своихъ милостивыхъ божковъ, попрячутъ ихъ въ карманы и пазухи. На послѣдокъ мать невѣсты начнетъ разносить въ чашечкахъ сперва Гелюнгамъ, а потомъ посѣтителямъ Калмыцкій чай и жареные въ маслѣ изъ прѣснаго теста катышки, вмѣсто нашихъ кренделей или сухарей.

Напившись чаю, хозяйка каждому лицу подаетъ вареную въ чашкѣ баранину. Гелюнги, гости и новобрачные берутъ изъ нея по частямъ, и каждая изъ нихъ равняется не менѣе 5-ти фунтамъ. Это кушанье матери невѣсты придется разносить цѣлый часъ; и когда она занимается угощеніемъ, въ то время, каждый гость крошитъ эту баранину, на подобіе лапши, и не дожидаясь прочихъ посѣтителей, всею пятернею, безъ ложки, хлѣба и соли кушаетъ свою порцію, и такъ скоро, что въ 10-ть минутъ у каждаго изъ нихъ чашка становится по прежнему порожнею.

Не успѣютъ покушать этой яствы, Калмычка разноситъ гостямъ въ чашечкахъ щербу (супъ бараній, только безъ крупъ и приправы), которою запиваютъ они медленно съѣденное напередъ, и съ такимъ *самодовольствіемъ*, что при всей расторопности хозяйка не успѣваетъ подавать имъ любимой ими буліонъ (буданъ), не имѣющій для насъ никакого вкуса и даже противный.

Отпивъ его, съ часъ посидятъ они молча, для успокоенія своего желудка; потомъ Гелюнги заведутъ какой нибудь любопытный разговоръ и съ такою тихостію, что за кибиткою не слышно даже ихъ голоса и нельзя повѣрить, есть ли въ ней хотя одинъ человѣкъ. Но скромная эта бесѣда продолжается не долго. Вдругъ нарушаютъ ее приходящіе дѣвы съ бубнами, которые заведутъ пляску и бѣганіемъ своимъ во кругъ посѣтителей и новобрачныхъ такой подымутъ шумъ, что сдѣлаются въ тягость и терпѣливому человѣку, привыкшему смотрѣть съ равнодушіемъ на такія празднества.

Но эта свадебная пирушка не оканчивается еще пляскою. Дѣвы, переставъ играть въ бубны отъ усталости выйдутъ прохладиться на свѣжій воздухъ. Вмѣсто ихъ приходятъ на смѣну другія. принимаются за пляску и не удовольствовавшись ею, начнутъ стучать въ большіе барабаны и такъ громко, что непремѣнно нужно заткнуть уши. Потомъ вытащутъ изъ кибитки всѣ инструменты;

двѣ изъ нихъ поведутъ жениха и невѣсту въ особую маленькую кибитку, приготовленную на подобіе спальни въ азіятскомъ вкусѣ и предоставятъ новобрачнымъ покой, что бы оживотворить свои чувства и насладиться взаимнымъ удовольствіемъ.

Между тѣмъ собраніе посѣтителей и съ Гелюнгами бесѣдуютъ за кумысомъ, а иногда за простою горѣлкою, къ которой они такъ пристрастны, что каждый изъ нихъ въ состояніи выпить въ продолженіи ночи по цѣлому ведру. Во время этой попойки курятъ безпрестанно трубки, и сдѣлавшись хмѣльными, вмѣсто внятнаго разговора, бормочутъ другъ съ другомъ, то приподнимая то закрывая глаза отъ усыпительной дремоты. Въ это время, по обыкновенію ихъ входятъ въ кибитку борцы, кулашники и силачи, показывающіе силу тягаться на палкахъ. Посреди гостей въ кругѣ сидящихъ, принимаются охотнички за свою потѣху. Въ одно время, двое борются, двое тянутся на палкѣ, а двое бьются въ кулачки, зрители дремлютъ, а побѣдители съ побѣжденными попьютъ всю горѣлку и напослѣдокъ Гелюнговъ, стариковъ поднимутъ на плеча и отнесутъ въ ихъ кибитки.

Утромъ соберется большая толпа около шатра новобрачныхъ. Гелюнги, манжи и родители жениха и невѣсты войдутъ къ молодымъ, поздравятъ ихъ съ новосѣльемъ, и въ сопровожденіи дѣвъ и

цѣлаго улуса Калмыковъ, калмычекъ, юношей и ребятишекъ, поведутъ ихъ съ поздравленiемъ по всѣмъ кибиткамъ, въ которыхъ новобрачныхъ дарятъ разными гостинцами, и по большей части ягнятами, барашками, овечками, телушками, бычками и жеребятами. Ѣдущiй за ними на одноконной арбѣ калмыкъ принимаетъ отъ каждой кибитки маленькихъ животныхъ и перевозитъ ихъ къ кибиткѣ молодыхъ; которые по возвращенiи приглашаютъ гостей и пируютъ такимъ образомъ цѣлую недѣлю.

Не спавши цѣлую ночь съ Приставомъ мы въ отведенной ему кибиткѣ заснули уже на разсвѣтѣ дня и проспали спокойно до 11-го часа; на другой день представилзя намъ случай побывать въ Ламайскомъ храмѣ, основанномъ Княземъ Тюменевымъ.

Онъ выстроенъ на подобiе дворца, съ длиннымъ портикомъ, поддерживаемомъ колоннами; но судя по китайскимъ башенькамъ, фестонамъ, полумѣсяцамъ и золотымъ шарамъ, на немъ находящимся, онъ представляетъ видъ Индiйскаго пагода. При входѣ въ храмъ, внутреннее расположенiе его состоитъ изъ одного главнаго олтаря и двухъ боковыхъ придѣловъ, какiе обыкновенно существуютъ въ западныхъ церквахъ. Стѣны и потолокъ выкрашены голубою краскою, а на сводѣ каждой аркады написана радуга. Ихъ священныя изображенiя совершенно похожи на ви-

тайскіе шторы, которые окружены разноцвѣтными платками и драппруютъ стѣны главнаго храма; въ углубленіи коего святилище отдѣлено позолоченными арками и колоннами. Въ немъ поставленъ на возвышенномъ мѣстѣ раззолоченный истуканъ Ламы, въ золотой шапкѣ и широкомъ платьѣ, обложенномъ золотымъ же газомъ. Позади его, другой истуканъ, въ подобномъ украшеніи, по мнѣнію идолопоклонниковъ есть какой то сильной божокъ; внизу предъ ними придѣланъ столъ, на которомъ поставлена чаша съ четырьмя ручками и нѣсколько маленькихъ чашечекъ, насыпанныхъ зерновымъ хлѣбомъ и сухими маргаритками. Предъ самымъ святилищемъ на доскѣ разставлены такія же приношенія и дары, а между ими стоитъ серебреная ваза, налитая водою, въ которую опущенъ вѣничекъ изъ павлиныхъ перьевъ, для опрыскиванія имъ всѣхъ прихожанъ, покланяющихся Ламѣ; въ честь же и другимъ Божествамъ каждой боковой храмъ имѣетъ подобныя приуготовленія.

Въ назначенный день, для службы Лама въ денгъ-таргинѣ, окруженномъ Гелюнгами и Манжами, сидящими на верховыхъ лошадяхъ выѣзжаетъ въ храмъ. въ сопровожденіе многочисленнаго народа; передовые предупредивъ пріѣздъ за нѣсколько саженъ, въ одно мгновеніе слѣзши съ коней съ почтеніемъ подбѣгаютъ къ экипажу и вводютъ его въ пагодъ, устланной кошмамя и коврами; въ кото-

ромъ сажаютъ на подушку и стремглавъ бросаются къ ногамъ, а иные прикасаются къ поламъ его платья. Такую же почесть оказываютъ Гелюнгамъ, которые склавъ ноги сядутъ по обѣимъ сторонамъ перво-священника, начнутъ реветь въ трубы и ударять въ цимбалы. Въ это время богомольцы съ умиленіемъ обратять взоры но истукана (Ламу) и ожидаютъ драгоцѣнной для нихъ минуты, въ которую пастыри ихъ позволятъ имъ подходить къ нему для поклоненія. По прошествіи двухъ часовъ, когда духовные отцы окончатъ свое Богослуженіе, посредствомъ кюрдей и инструментовъ производимое, тогда вставъ съ мѣстъ сдѣлаютъ привѣтствіе главному жрецу и взявъ его подъ руки подведутъ къ вызолоченому истукану. *Живой Лама* припадаетъ къ подножію его, у котораго постоявъ нѣсколько минутъ и прочитавъ шептомъ молитвы возвращается не прежнее мѣсто. Между тѣмъ Гелюнги по очереди опрыскиваютъ водою святыню и подходящихъ къ нимъ богомольцевъ; внушаютъ имъ, чтобы они выходили изъ храма и дожидались у входа шествія Первосвященника; сами же приподнявъ его на ноги ведутъ къ дверямъ, у которыхъ толпа почитателей подхватываетъ его подъ руки, сажаетъ въ денгъ-тергинъ и везетъ въ хурулъ въ сопровожденіи легконныхъ наѣздниковъ и цѣлаго духовенства.

Посмотрѣвъ издали на эту процессію, я отправился съ Приставомъ въ улусъ и желалъ узнать

отъ него, какъ празднуютъ Калмыки день рожденія своего или именины, но онъ съ улыбкою отвѣчалъ мнѣ: что эта нація не соблюдаетъ обыкновеній, похожихъ на Европейскія; они имѣютъ имена но не воздаютъ имъ никакихъ почестей, а иные даже не помнятъ, котораго года, мѣсяца и числа произведены на свѣтъ. Младенцевъ обоего пола матери не пеленаютъ, качаютъ въ люлкахъ, стоящихъ на землѣ и не прививали имъ оспы до того времени, пока Россійское правительство не ввело въ употребленіе эти операціи. И дѣйствительно, по замѣчанію моему, я не видалъ ни Калмыка, ни калмычку ни дѣтей ихъ обоего пола рябоватыхъ.

Разговоръ нашъ прервалъ вошедшій въ кибитку Калмыкъ, которой подалъ Приставу отъ переводчика записку. Прочитавъ ее, онъ сказалъ мнѣ: не угодно ли вамъ посмотрѣть похороны Калмыцкіе? я съ радостію принялъ это лесное для меня предложеніе и отправился съ провожатымъ въ другой улусъ, отстоящій отъ занимаемаго нами не болѣе четырехъ верстъ.

Недоѣхавъ нѣсколько саженъ, увидѣли мы покойника, котораго Калмыки везли на арбѣ къ могилкамъ, въ 3-хъ верстахъ на обширномъ и высокомъ курганѣ находящимся. Умершій былъ одѣтъ въ то самое платье, въ которое онъ одѣвался при жизни своей, т. е. въ нагольномъ тулупѣ, безъ рубашки, въ овчинныхъ шараварахъ, красныхъ сапогахъ и въ маленькой суконной блѣдно-желтаго

цвѣта шапочкѣ, опушенной мерлушкою. Руки (*) его находились въ томъ положеніи, въ какомъ онъ умеръ, потому что калмыки не имѣютъ обыкновенія складывать ихъ крестообразно, а предоставляютъ покарять члены тѣла естественной силѣ, хотя бы умирающаго скорчило въ дугу; привезши покойника на курганъ, опустили они его въ узкую и тѣсную могилку, вырытую въ ростъ человѣка и поставили стоймя, засыпали его слегка землею по шею, а голову оставили наружя для того, что если покойникъ чрезъ нѣсколько дней очнется, то имѣлъ бы онъ возможность выползти изъ своего тѣснаго жилища и возвратится къ роднымъ. Примѣры эти были у нихъ не рѣдки, и для того то они принимаютъ мѣры къ освобожденію обмертвѣлыхъ Летарговъ. Впрочемъ совершенно умершіе остаются въ этомъ положеніи болѣе двухъ недѣль; по истеченіи коихъ, засыпаютъ они ихъ землею, что бы трупы не могли послужить на съѣденіе. Волкамъ или хищнымъ птицамъ.

Узнавъ странный обрядъ Калмыковъ и подивившись ихъ необдуманной предусмотрительности, возвратился я съ провожатымъ къ Приставу, а на другой день поблагодаривъ его за гостепріимство доѣхалъ благополучно до Джуруковской почтовой станціи, въ которой привелъ въ систематическій порядокъ всѣ замѣчанія мои о Калмыцкомъ народѣ.

(*) одна изъ нихъ держалась за голову, а другая за животъ.

Относительно костюма ихъ, можно сказать, что онъ во многомъ похожъ на Азіятской; но съ нѣкоторою разницею въ покроѣ. Они носятъ бешмети подобно Нагайскимъ а сверху ихъ полукафтаньи длиною за колѣна и съ про рѣзанными рукавами; въ лѣтнее время изъ лучшей нанки, а въ зимнее изъ валенаго ими сукна. Иные во все время года ходятъ въ овчинныхъ тулупахъ, коженыхъ шараварахъ и сафьяншхъ желтаго или краснаго цвѣта сапогахъ, съ желѣзными подковками, которыя служатъ имъ вмѣсто шпоръ для понужденія или удержанія лошади. Голову брѣютъ, начиная со лба до половины; задними же волосами, заплетенными въ косы прикрываютъ бритое мѣсто; оставляютъ усы и подстригиваютъ бороды такъ искусно, что всякой подумаетъ, что они брѣются подобно Европейцамъ. Въ продолженіе цѣлаго года носятъ плоскія шапочки, сшитыя изъ блѣдножелтаго сукна и опушеныя порешиною или лошадиною мягкою кожею, шерстью вверхъ.

Одежда женская не имѣетъ никакого различія отъ жужской, исключая только то, что калмычки для прикрасы заплетаютъ косы, которыя отращиваютъ почти до поясницы.

Лама ихъ носитъ изъ шелковой матеріи длинный халатъ голубаго цвѣта, парчевый бешметь, желтые сафьяные сапоги и такого же цвѣта шапочку, обшитую золотымъ газомъ; сидя въ кибиткѣ при собраніи Духовенства, онъ перебираетъ без-

престанно пальцами четка и часто съ Гемонгами занимается истолкованіемъ бурхановъ.—

Всѣ Гелюнги ходятъ въ длинныхъ краснаго цвѣта халатахъ, надѣтыхъ сверхъ бешметей изъ лучшей матеріи; но прочее одѣяніе ихъ и обувь похожи на простолюдиновъ.

Обращая вниманіе на тѣлосложеніе Калмыковъ можно утвердительно сказать, что они всѣ вообще широкоплечи, полнокровны и могутъ похвалиться здоровьемъ своимъ противу прочихъ народовъ, исключая киргизцевъ; черты лица ихъ одинаковы (*) и не показываютъ никакого различія въ характеристикѣ; не смотря на сладострастіе женщинъ и любовныя связи съ разноплеменными людьми дѣти ихъ обоихъ половъ всегда носятъ отпечатокъ лица матери или отца.

Языкъ ихъ по произношенію столь грубъ, что каждой иностранецъ съ трудомъ можетъ произносить каждое ихъ слово. Онъ не имѣетъ сходства ни въ выраженіи, ни въ оборотахъ своихъ съ другими восточными языками и служитъ доказатель-

---

(*) Калмыка и Калмычку легко можно узнать по первому взгляду: они имѣютъ широкообразное лице, одутсивыя щеки, маленькіе глазкя, тонкія брови и рѣзкія рѣсницы. Если кто съ насмѣшливою улыбкою взглянетъ на Калмыка, то онъ отрывисто скажетъ: Не смотри, что у меня маленькіе глазки,— они далеко-далеко видятъ,— больше 40 верстъ. И дѣйствительно, что ѣдучи съ нимъ верхомъ степью не только днемъ, но даже ночью никогда онъ не собьется съ дороги и доведетъ до улуса безошибочно.

ствомъ самостоятельности ихъ, неподвергающейся разноплеменности.

Калмыки пристрастія къ наукамъ не имѣютъ и тщательно скрываютъ свои книги, писанныя на Тангутскомъ языкѣ; никогда не читаютъ ихъ при посторонних людяхъ и не обнаруживаютъ предъ ними своихъ сужденій. Въ бесѣдѣ разговариваютъ только о дѣлахъ, относящихся до ихъ кочевой жизни, выгодной продажи скота, овецъ и лошадей. Жить съ ними очень скучно и если бы по благосклонному расположенію своему ко мнѣ приставъ ихъ не занималъ меня разсказами о разнообразныхъ предметахъ, то два или три дня, показались бы для меня слишкомъ отяготительны.

Одна только пѣсня Калмычки заслуживаетъ вниманіе любителя Поэзіи.—

ПѢСНЬ КАЛМЫЧКИ.

Милой ты мой, милой, несравненной,
Украшенье свѣтлаго Калчана!
Твое-мое сердце зернь двойчатка;
Въ небѣ живутъ солнышко съ луною;
А на землѣ ты да я мы оба!—

конецъ 3-го Отдѣленія.